

2. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т.2. 430 с.
3. Избранные пословицы и поговорки русского народа / Н. П. Колпакова [и др.]. М.: Гослитиздат, 1957. 204 с.
4. Ковалева С. 700 золотых пословиц и поговорок. М.: Астрель, 2010. 479 с.
5. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: 4-е изд. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
6. Лепешаў І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак: Даведнік. Мінск: БелЭн, 1996. 352 с.
7. Плис И. Е. Способы передачи англоязычного образного фразеологизма с этнонимическим компонентом на русский язык // Языковая личность и перевод: материалы II Межвуз. науч.-образоват. форума молодых переводчиков, Минск, 5-6 дек. 2017 г. / редкол.: С. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 92–95.
8. Плис И. Е., Значенок В. С. Этнонимы в белорусских и английских фразеологизмах // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 145–153.

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО АВТОРА
КУРТУАЗНОЙ ЛИРИКИ КАК СОЗДАТЕЛЬ НОВОГО
КУЛЬТУРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ: К АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ
ПРОЦЕССА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

С. С. Калинин

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

e-mail: rage_of_gods@inbox.ru

В статье постулируется подход к антропоцентрическому анализу процесса лингвокультурного трансфера, к его рассмотрению в рамках деятельностной методологии. Субъектом, осуществляющим языковую активность, оказывается при таком подходе языковая личность, отображаемая в соответствующих текстах. Описываются три уровня организации языковой личности: лексико-грамматический, концептуальный и прагматический. На примере лингвокультурного трансфера ряда концептов куртуазной лирики в германо-немецкую концептосферу показываются особенности организации данных уровней у языковой личности средневековой эпохи, а также ряд особенностей трансферируемых концептов.

Ключевые слова: лингвокультурный трансфер; языковая личность; концептосфера; уровни организации языковой личности; концептосфера немецкого языка; средневековая культура; куртуазная лирика.

**LINGUISTIC PERSONALITY OF A MIDDLE-AGE AUTHOR
OF COURTESY LYRICS AS A PRODUCER OF A NEW CULTURAL
DOMAIN: TOWARD THE ANTHROPOCENTRIC ANALYSIS
OF THE LINGUISTIC-CULTURAL TRANSFER
(ON THE BASES OF THE GERMANIC LANGUAGES)**

S. S. Kalinin

Kemerovo State University

Kemerovo, Russia

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

The main point of this article is the anthropocentric and activity-based approach to analysis of linguistic-cultural transfer process. The subject of this activity process is a linguistic personality who is represented in the text produced by this personality. There are three strata in the structure of this personality: the lexical-grammatical stratum, the conceptual stratum and the pragmatic stratum. The peculiarities of the organization of those strata are shown in the article as well as the peculiarities of the transferred concepts belong to the linguistic personality of a Middle-Age courtesy poetry author.

Key words: linguistic-cultural transfer; linguistic personality; conceptual sphere; organization strata of linguistic identity; German conceptual sphere; Middle-Age culture; courtesy lyrics.

Согласно положениям Е.В. Сидорова, языковую личность можно представить как совокупность социально значимых коммуникативных черт индивида, связанных с порождением и восприятием им речевых сообщений [6, с. 130–131]. Поскольку человеческий язык является «домом бытия» человека, что также соотносится с теоретическими воззрениями Л. Вайсгербера о языковой способности человека как отличительной черте человеческого бытия [1, с. 137–139, 140–141], то все явления объективной реальности осмысляются человеком через язык и воплощаются им в языковую форму. Также факты и явления культуры того или иного этноса, «кванты смысла» культуры (т.н. лингвокультурные константы) осмысляются человеком именно через язык. Поэтому процесс культурного трансфера (который мы для большей точности называем лингвокультурным) следует изучать именно через те или иные языковые феномены.

Процесс лингвокультурного трансфера сводится к процессу переноса, трансферизации лингвокультурных констант, которые мы в дальнейшем для удобства будем именовать концептами. По В.З. Демьянкову, различают трансфер знака и трансфер знаний [3, с. 61]. Эти процессы проявляются и в данном случае, поскольку в лингво-культуру-реципиент переносятся новые языковые формы (знаки), обозначающие новое концептуальное содержание (знание). Совокупность, набор лингвокуль-

турных констант (нового знания) того или иного народа или индивида (в нашем случае, языковой личности) называется концептосферой. Этот термин был впервые введен в аппарат современной лингвистики Д.С. Лихачевым в работе [5]. Языковая личность также обладает собственным набором лингвокультурных констант, который составляет ее определенный уровень. Этот уровень языковой личности, набор значимых для ее коммуникации знаний называется концептуальным [6, с. 131–132]. Он противопоставляется лексико-грамматическому уровню, на котором реализуются, объективируются концептуальные структуры. Кроме этого, в уровневой структуре языковой личности имеется прагматический уровень или прагматикон, который определяет особенности употребления тех или иных языковых знаков ею в речи [6, с. 130]. Процесс лингвокультурного трансфера протекает на всех этих уровнях и соотносится со всеми ними.

Трехчленная типология культур, предложенная М. Эспанем [9], хорошо прослеживается на примере трансфера образности, сюжетов и мотивов романской (преимущественно, старофранцузской и провансальской) куртуазной поэзии в германо-немецкую культуру. В данном случае, культурой-донором служила южно-романская провансальская культура, в которой данный поэтический стиль возник примерно в XII-XIII вв. Культурой-реципиентом является германо-немецкая средневековая культура, в которую были заимствованы основные концепты, а также сюжетные линии и мотивы (которые с когнитивной точки зрения можно считать сценариями либо скриптами) данной поэзии. В результате этого германо-немецкая лингвокультура приобрела несколько нетипичных для германских лингвокультур концептов, например, концептуальное осмысление куртуазной (возвышенной) любви. Ранее, в германских лингвокультурах не уделялось особого внимания описанию внутреннего мира человека и его чувств. Ярко это проявляется в древнеисландской саговой традиции. Время записи и составления первых «саг об исландцах» совпадает со временем создания первых куртуазных произведений на средневерхненемецком языке (это, как уже выше говорилось, XII-XIII вв.). Типичным для древнеисландской саговой традиции является полное отсутствие внимания автора, а также героев произведения, к любовным интригам и любовным переживаниям. В оригинальных «сагах об исландцах» сюжет не строится вокруг любовных переживаний героев и конфликтов, вызванных чувствами. Такое построение произведения появляется значительно позже, во время создания во многом подражательных «рыцарских саг», сюжеты которых обычно являются переложениями известных континентальных

рыцарских романов. Концепт куртуазной любви и куртуазности вообще был нехарактерен для архаической древнегерманской культуры, в которой не уделялось значительного внимания эмоциональной сфере и внутреннему миру человека. В частности, таково описание любовных взаимоотношений как между божествами, так и между людьми, приводимое в текстах «Старшей Эдды», например, в песни «Речи Высокого» (дисл. *Hávamál*). В этой песни о лица бога Одина (выводимого в песни под именем-прозвищем Высокого) повествуется о том, как нужно правильно соблазнять жен и девиц. Никакой возвышенности, поэтизированнойности в этом рассказе нет, он представляет собой лишь своеобразный набор советов житейской, обыденной мудрости. Советы, даваемые им его собеседнику либо читателю песни, строго дидактичны и лишены какого-либо яркого эмоционального или чувственного компонента. Примечательно, что повествователем используется императивная форма обращения к читателю песни (она есть и в оригинальном тексте), это свидетельствует об определенной перлокутивной силе высказывания.

Описание любовного приключения Одина приводится в достаточно простых высказываниях, нет какой-то специальной метафоричности, большого количества эпитетов, перифразов, иносказаний, в отличие от «придворного стиля» куртуазной лирики.

К концептосфере куртуазности, куртуазной любви относится и широко известный в средневековой культуре концепт Прекрасной Дамы. Этот концепт резко отличается от женского архетипа архаической и традиционной культуры, хорошо описанного в работе К.П. Эстес [8], образов женских божеств, например, Богини-Матери, Земли как персонификации женского начала или Хтонической Богини, которая воплощает как созидающее, производящее, так и разрушающее начало. В частности, таким божеством являются практически все богини, связанные со стихией Земли, в индоевропейских лингвокультурах и мифологиях. Концепт же Прекрасной Дамы полностью лишен этого культового, обрядового компонента, который входит в семантическую структуру единиц, эксплицирующих соответствующие концепты, в качестве коннотативного компонента. Некая сакральность в концепте Прекрасной Дамы, тем не менее, присутствует, поскольку он связан с понятием «Служения» Прекрасной Даме, ее уподобления Госпоже и, в конечном счете, Деве Марии. Таким образом, данный материал подтверждает высказывания А.Я. Гуревича [2, с. 286–287] и В.В. Колесова [4, с. 19] о сакральности средневековой культуры, о преломлении средневековой культурой всех своих элементов через призму сакральности.

Таким образом, мы описали ряд концептов, входящих в соответствующий структурный уровень языковой личности автора-творца куртуазной лирики эпохи Средневековья. Представляется интересным также описание прагматического уровня данной языковой личности, его изменения, изменения в употреблении отдельных слов и выражений по сравнению со схожими языковыми личностями авторов традиционной культуры, хотя, по мнению М.И. Стеблина-Каменского [7, с. 4–10], в данном случае несколько неправомерно говорить о том, что творцы текстов традиционной культуры каким-то образом осознанно, специально сознавали свое авторство. Таковые описания могут представлять интерес как для реконструкции языковой личности автора средневековой эпохи, так и для сравнительно-сопоставительного анализа языковых личностей – носителей германских языков различных эпох.

Библиографические ссылки

1. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа; пер. с нем.; 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с
2. Гуревич А. Я. Представления средневекового европейца о пространстве и времени // Психология мышления /под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер [и др.]; 2-е изд. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 282–294.
3. Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.
4. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности; 3-е изд. СПб.: СПбГУ, 2011. 136 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. №1. С. 3–9.
6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса; 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
7. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы; 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 248 с.
8. Эстес К. П. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях; пер. с англ. М.: Изд. Дом «София», 2005. 496 с.
9. Espagne M. La notion de transfert culturel // Revue Sciences 2013. №1 [Ressource électronique]. Mode d'accès : <http://rsl.revues.org/219>. Date d'accès: 25.05.2018.